

УДК 327(091)"20"

Бирюков А.М.*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт (г. Коломна)*

НАЧАЛО «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» И РОЛЬ НЕФТЯНОГО ФАКТОРА

Аннотация. В статье рассматривается одна из важных проблем истории международных отношений второй половины XX в. – причины и обстоятельства возникновения «холодной войны». Выявлена тесная связь между обострением международных отношений середины – второй половины 1940-х гг. и усилением значения рынка нефти в мировой экономике. Указан советский интерес к расширению нефтедобычи и нефтяного экспорта. Отмечается особая роль Британии и У. Черчилля в возникновении «холодной войны». *Ключевые слова:* США, СССР, Британия, Иран, Черчилль, Сталин, Трумэн, «фултонская речь», «план Маршалла», танкеры.

A. Biryukov*Moscow State Regional Institute of Social Studies and Humanities, Kolomna*

THE "COLD WAR" BEGINNING AND A ROLE OF THE OIL FACTOR

Abstract. The article considers one of the important problems of the international relations in the history of the second half of XX-th century – the problem of reasons and the circumstances of beginning of the "Cold War". The author reveals close connection between the two factors: the aggravation of the international relations in the middle and the second half of the 1940s and strengthening of the oil market significance in the world economy. The interest of the USSR to expansion of oil extracting and oil export is specified. Special role of Britain and W. Churchill in the initiation of the "Cold War" is marked.

Key words: the USA, the USSR, Great Britain, Iran, Churchill, Stalin, Truman, «Sinews of Peace», «The Marshall Plan», tankers.

Особую роль и истории международных отношений второй половины XX в. занимает такой военно-политический феномен, как «холодная война». Порождённое Второй мировой войной это новое противостояние ведущих держав было в значительной степени обречено на возникновение самим фактом появления биполярного мира, новым этапом борьбы за мировое лидерство, в которое постепенно втянулись и сами сверхдержавы, и их союзники (в рамках военно-политических блоков),

© Бирюков А.М., 2014.

и многочисленные зависимые государства из числа стран «третьего мира».

Следует сразу отметить, что «холодные войны» – под каким бы названием они не встречались в истории – явление нередкое, и едва ли не в каждом столетии можно найти аналоги. Так, во второй половине XIX в. сходным международным явлением была «большая игра» между Британией и Россией за право политического лидерства на Среднем Востоке [6].

Противостояние второй половины XX в. имело свою очевидную специфику.

ку в силу значительного усложнения как на международном, так и на внутригосударственном уровне не только политических процессов, но и социальных, и экономических. Так, именно «холодная война» позволила госструктурам стран Запада сохранить высокий уровень контроля над крупным частным бизнесом, рассматривавшим усиление государственного регулирования социально-экономических отношений только как временную меру на период преодоления «Великой депрессии» и Второй мировой войны. Можно утверждать, что для Запада (и США как его лидера – в первую очередь) состояние «холодной войны» и реализация принципов государственно-монополистического капитализма были взаимно дополняющими и взаимно определяющими процессами.

Принято считать, что эпоха противостояния послевоенных сверхдержав берёт своё начало с весны 1946 г., с речи бывшего премьер-министра Британии У. Черчилля в США, в городе Фултоне (5 марта 1946 г.). Речь отставного, оппозиционного политика, во многом адресованная своим оппонентам в Лондоне, была, однако, воспринята как манифест об объявлении новой политической эпохи (эпохи создания «Храма мира»). Несомненно, что далеко не все лидеры Запада отнеслись к тезисам бывшего премьера с безусловным одобрением, хотя главный лозунг выступления – объединение англо-американских сил для установления прочного контроля над послевоенным миром – был скорее констатацией уже сложившихся за годы войны отношений между США и Британией [5]. Не неся прямой политической, государственной ответственности, Черчилль

откровенно сформулировал то, что ни Трумэн, предполагавший передать атомный потенциал США под контроль ООН, ни Эттли, готовившийся пойти на демонтаж колониальной империи, не хотели провозглашать – необходимость и даже обязательность подготовки Запада к конфликту с СССР.

Президент Трумэн как политик-демократ считал, что не менее эффективными, чем военно-политические меры, будут меры торгово-экономического характера, тем более что его предшественник, оценив размах американо-советской торговли 1920-х – начала 1930-х гг., счёл выгодным установить дипломатические отношения между двумя странами после «шестнадцати лет непризнания» [14]. Опыт работы в Европе и Советской России (СССР) начала 1920-х гг. «American Relief Administration» позволял предположить, что эффективность «плана Маршалла» при сохранении хороших политических отношений с СССР будет высокой и продолжительной. Поэтому «Трумэн и Эттли открестились от речи Черчилля — но поздно» [11, с. 571].

В исторической литературе иногда упоминается, что речь в Фултоне была произнесена как своего рода ответ на выступление И.В. Сталина на предвыборном собрании 9 февраля 1946 г. Однако та часть речи советского лидера, которая была посвящена международным отношениям, не содержала угроз в адрес Запада – более того, Сталин провозгласил политически важный тезис о значении нефти (и сырья в целом) для мировой экономики и, очевидно, именно это усилило антисоветский настрой «фултонской речи». В чём же причина резкости британского политика?

На протяжении Второй мировой войны как во время встреч лидеров «Большой тройки», так и в ходе их активной переписки не раз вставал вопрос о будущей международной торговле как залого мира (развитием торговых отношений и установлением торговой взаимозависимости государств сделать войну «нерентабельной»). Так, 18 июня 1945 г. Сталин и Черчилль обговаривали послевоенные перспективы и убеждали друг друга в необходимости двусторонней торговли: «[Сталин] сказал, что Россия готова обсудить вопрос о [послевоенной – А.Б.] торговле с Англией» [15, с. 603]. В речи 9 февраля Сталин пошёл ещё дальше, развивая эту же тему, но уже более конкретно: «можно было бы избежать военные катастрофы, если бы была возможность периодически перераспределять сырьё и рынки сбыта между странами сообразно с их экономическим весом – в порядке принятия согласованных и мирных решений» [12]. Советский лидер дальше точно назвал то сырьё, о котором шла речь – то приводя в пример динамику роста нефтедобычи в СССР (1913 г. – 9 млн. тонн, в 1940 г. – 31 млн. тонн, к началу 1960-х гг. вождём намечался рост нефтедобычи до 60 млн. тонн (в реальности в 1960 г. добыча нефти составила почти 148 млн. тонн [8, с. 262]), то перечисляя стратегические ресурсы, обеспечившие победу в войне, причем топливо было названо вторым по значению, сразу после металла [12].

Таким образом, Сталин доводил до сведения лидеров западных стран своё видение роли международной торговли и, в частности, свою готовность участвовать в решении мировой нефтяной проблемы, в первую оче-

редь путём установления и мирного перераспределения сырьевых квот, в том числе и нефтяных, которые могли стать выгодным экспортным товаром для Москвы. И Востоку, и Западу предстояло определить свои позиции, и, возможно, – не начнись «холодная война» – поток продовольственных и промышленных товаров с Запада мог бы иметь свой эквивалент с Востока в виде караванов нефтетанкеров.

Однако Черчилль отнёсся к этому предложению советского лидера неожиданно жёстко, заявив, в частности, что «Турция и Персия глубоко обеспокоены и озабочены по поводу претензий, которые к ним предъявляются, и того давления, которому они подвергаются со стороны правительства Москвы» [13]. Говоря иными словами, Черчилль занял позицию явной поддержки Турции и Ирана в ситуации, когда им предъявил претензии Советский Союз. Бывший английский премьер грозил вчерашнему союзнику от имени всего Запада, и в первую очередь – от имени Лондона и Вашингтона.

Как известно, завершением гитлеровского плана Второй мировой войны должен был стать прорыв немецких войск с севера (через Кавказ) и юга (через Египет и Палестину) в район Среднего Востока, к месторождениям нефти, с тем, чтобы – насытив вермахт топливом – совершить последний рывок в сторону Индии, к границам которой с востока должны были подойти японские войска. Черчилль заметно волновался за судьбу месторождений Баку, предлагая Сталину отправить британскую авиацию (как минимум) для защиты столицы советского Азербайджана – в Лондоне полагали, что в

случае падения Баку следующей жертвой гитлеровской армии будет Тегеран. И ввод советских и английских войск в Иран в августе 1941 г., и проведение там первой конференции «Большой тройки» означали, что гитлеровский план войны раскрыт и сорван.

Черчилль как государственный деятель выступал не только за срыв нацистских планов, но и в защиту британских интересов в регионе Персидского залива, где с 1909 г. действовала «Англо-Иранская нефтяная компания» (АИНК) (с 1954 г. – «Бритиш петролеум»). Попытка Сталина закрепиться в Иранском Азербайджане не могла не напугать Лондон – было очевидно, что СССР, как нефтеизбыточное государство, использует дополнительные возможности для развития своей экспортной нефтеторговли и неминуемо станет конкурентом Британии. Как представляется, именно эти соображения и придали «фултонской речи» столь жёсткий политический характер (конечно, помимо других факторов, таких, как советская активность в Центральной Европе).

Инициатива Черчилля не могла не повлиять на политику Вашингтона – как известно, в окружении и Рузвельта, и Трумэна было немало сторонников жесткой, силовой линии в отношении СССР. Перспективы применения «плана Маршалла» как орудия установления мира устраивали не всех американский политиков, и постепенно Трумэн начал всё активнее переходить на более агрессивные позиции. В 1947-1948 гг. практически одновременно реализуются и «план Маршалла», рассчитанный в том числе и на СССР, и «доктрина Трумэна», имеющая ярко выраженное антисо-

ветское звучание (в ней звучит тот же «турецкий фактор», что и в «фултонской речи»). Очевидно, на Трумэна смогли оказать давление руководители нефтефирм США «Стандард вакуум» и «Синклер ойл», которые с 1944 г. начали закрепляться в Иране. Им конкурент в виде советских нефтяных ведомств, учредивших Ирано-Советское нефтяное акционерное общество, в Иранском Азербайджане представлялся куда более серьёзным противником, чем уже упоминавшаяся АИНК и присоединившаяся к ней ещё одна британская нефтефирма – «Шелл». Вот что А. Бюкар, сотрудница американского посольства в Москве, описывая деятельность дипломатических агентов США в нефтяном вопросе, замечала, характеризуя одного из них, Л. Гендерсона – его «назначили начальником ближневосточного отдела государственного департамента. Здесь Гендерсон сделал новое «открытие», а именно, что «красная опасность» угрожает не только Ираку, но и всему Ближнему Востоку. На этом посту Гендерсон являлся предтечей и вдохновителем так называемой «доктрины Трумэна»... На этом посту Гендерсон показал, что нефть можно использовать не только для смазки механизмов, но и для смазки аппарата государственного департамента. Под непосредственным влиянием американских нефтяных компаний на Ближнем Востоке Гендерсон являлся вдохновителем неуклюжих маневров американской дипломатии...» [3, с. 25].

Действительно, политики США приложили все усилия для того, чтобы заставить Сталина вывести советские войска из Северного Ирана – давление шло и через ООН, и через нагнетание

слухов в возможном применении Вашингтоном атомного оружия. Несомненно, что для Кремля столь жёсткая и агрессивная политика вчерашних союзников была поводом пересмотреть и свои внешнеполитические и внешнеэкономические позиции [8], в том числе и по вопросу о принятии американской помощи по «плану Маршалла».

Наряду с иранской проблемой в отношениях бывших союзников острым оставался вопрос обеспечения безопасности вывоза советской нефти в Средиземное море. Ещё в конце XIX в. нефтяная фирма «Шелл» начала импортировать бакинскую нефть через Черное море (Батум), Босфор и Суэц. Этот путь транспортировки нефтепродуктов (уже советскими кораблями) действовал и в межвоенный период, и не случайно, что в конце 1930-х гг. Москва активно пыталась закрепить военнополитическими средствами в Болгарии и Турции. И.В. Сталин на конференциях «Большой тройки» не раз поднимал вопрос о советской военно-морской базе в Турции, в районе проливов – так, 23 июля 1945 г. он обратился к Черчиллю с вопросом: «Если вы сочтёте невозможным дать нам укреплённую позицию на Мраморном море, может быть, мы могли бы иметь базу в Деде-Агаче?» [15, с. 631] (имеется в виду Александруполис, портовый город на северо-востоке Греции, недалеко от пролива Дарданеллы; в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. занимался русскими войсками). Очевидно, что советский лидер предполагал и возможность советской помощи действующим в Греции левым военизированным организациям (ЭЛАС).

Черчилль ответил вполне положительно, но в самом общем смысле,

обещая поддержать стремление СССР «иметь свободу на морях» [15, с. 631]. Сталин использовал этот эпизод настолько, насколько смог (в Британии к власти вскоре пришли лейбористы со своими взглядами на международные отношения) – получить ВМБ у проливов не получилось, но по итогам войны СССР стал обладателем ряда кораблей итальянского флота во главе с линкором «Новороссийск» («Юлий Цезарь»), который «прибыл в Севастополь, вошел в состав эскадры Черноморского флота и стал прикрывать южные морские рубежи СССР – регион, где тогда находились главные источники нефтедобычи» [2]. Устаревший линкор (начало строительства – 1910 г.) был, тем не менее, сильнейшим кораблем Черноморского флота, и его было решено оставить в строю до 1965 г.

Как представляется, в период между июлем 1945 г. и мартом 1946 г. существовала (как один из вариантов развития послевоенных отношений) возможность построения нового мира на базе торгово-экономических отношений, в первую очередь между США и СССР, и положительная официальная позиция Москвы была определена самим Сталиным.

В 1950-х гг. противостояние США и СССР по вопросу контроля за нефтеносными территориями Персидского залива и стратегически важным регионом Ближнего Востока и Малой Азии постоянно только обострялось. США старались основательно укрепиться на данной территории, идя в случае необходимости на проведение «тайных операций» против неудобных им политических деятелей (1953 г. – операция ЦРУ «Аякс» по свержению премьер-министра Ирана Моссады-

ка, сторонника национализации нефтяных ресурсов своей страны) [1, с. 298-300]. Мотивация этого военно-политического действия содержится в емкой фразе президента Д. Эйзенхауэра: «только Богу известно, что бы мы делали без иранской нефти» [10, с. 74]. Летом 1958 г. состоялся ввод американских войск в Ливан (операция «Голубая летучая мышь», июль – октябрь 1958 года) [4, с. 34] с целью оказать давление на события теперь уже в Ираке (высадкой морской пехоты предполагалось оказать давление как на иракских революционеров, так и на правительство Г.А. Насера в Египте). Это вызвало острую негативную реакцию Москвы и, по некоторым данным, было решено готовиться к силовому развитию событий – войска Закавказского военного округа под командованием К.К. Рокоссовского должны были бы нанести удар по Турции (член НАТО с февраля 1952 года) [16, с. 209]. По мнению биографа Эйзенхауэра Стивена Амброза, эта демонстрация силы должна была иметь строго локальный (точнее – региональный) характер [1, с. 437-439], но реакция Кремля последовала весьма жёсткая – ведь и насеровское правительство, и баасистский кабинет Касема в Ираке находились «под опекой» Москвы [9].

Эта борьба сверхдержав продолжалась и в следующих десятилетиях – и США, и СССР поддерживали противостоящие партийно-политические группировки в странах Ближнего и Среднего Востока, активно использовали свои войска в регионе (ввод советских войск в Афганистан – пребывание американских войск в Ливане в 1982-1984 гг.), поддерживали поставками оружия дружественные (необхо-

димые) режимы (например, в ходе ирано-иракской войны 1988 гг.). Вплоть до конца 1980-х гг., даже в период «нового политического мышления» Вашингтон и Москва не ослабляли пристального внимания за «большой нефтью» Персидского залива.

Таким образом, в 1945-1946 гг., в период формирования новой системы международных отношений, сверхдержавы оказались перед историческим выбором – пойти по пути жесткого военно-политического противостояния, позже получившего название «холодная война», или удержаться в рамках хорошо налаженного за годы Второй мировой войны межгосударственного политического и экономического сотрудничества, ведущую роль в котором мог бы играть товарообмен между Западом и Востоком. Выбор худшей из возможностей был результатом действия сложного комплекса политических, военных, экономических и иных факторов, и представляется необъективной появившаяся в 1990-х гг. точка зрения о том, что развязывание «холодной войны» есть результат действий, в первую очередь, советского руководства во главе с И.В. Сталиным – действий, направленных на закрепление позиций СССР в Центральной Европе. Очевидно, что в условиях атомной монополии США Москва могла проводить достаточно сдержанную внешнюю политику, позитивно реагируя на перспективы вовлечения СССР в мировую торговлю. Именно «фултонская речь» У. Черчилля сыграла, как представляется, знаковую роль в формировании всего комплекса международных отношений первых послевоенных лет, в возникновении феномена биполярного мира и особенно – «холодной войны».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Амброз Стивен. Эйзенхауэр. Солдат и президент. – М.: Книга, лтд., 1993. – 640 с.
2. Бар-Бирюков О. Гибель «Новороссийска». [Электронный ресурс] // Газета «Совершенно секретно» [сайт]. URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/2028/> (дата обращения: 17.06.2014).
3. Бюкар Аннабелла. Правда об американских дипломатах. – М.: Литературная газета, 1949. – 132 с.
4. Видал Гор. Почему нас ненавидят. Вечная война ради вечного мира. – М.: АСТ, 2003. – 155 с.
5. Злобин Н.В. Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.III.1946. [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/FULTON.HTM> (дата обращения: 30.09.2014).
6. Леонтьев Михаил. Большая игра. – М.: АСТ, Астрель-СПб, 2008. – 336 с.
7. Медведев Ж. Геополитические замыслы Сталина на Ближнем Востоке. [Электронный ресурс] // Скепсис (научно-просветительский журнал) [сайт]. URL: http://scepsis.net/library/id_1647.html (дата обращения: 28.08.2014).
8. Народное хозяйство СССР в 1960 г. Статистический ежегодник. – М.: Госиздат ЦСУ СССР, 1961. – 946 с.
9. Национальная и государственная безопасность Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nationalsecurity.ru/mailling/mailling07.htm> (дата обращения: 12.05.2012).
10. Петрусенко В.В. Белый дом и ЦРУ. – М.: Мысль, 1985. – 286 с.
11. Радзинский Э.С. Сталин. – М.: АСТ, 2006. – 638 с.
12. Речь товарища И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года. [Электронный ресурс]. Старые газеты (электронная библиотека) [сайт]. URL: <http://oldgazette.ru/lib/stalin2/02.html> (дата обращения: 21.05.2014).
13. Фултонская речь Черчилля [текст]. [Электронный ресурс]. История Холодной войны [сайт]. URL: <http://www.coldwar.ru/churchill/fulton.php> (дата обращения: 13.07.2013).
14. Цветков Т.Н. Шестнадцать лет непризнания: Политика США в отношении Советского государства в 1917-1933 гг. – Киев, 1971. – 242 с.
15. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 640 с.
16. Шектер Дж., Дерябин П. Шпион, который спас мир. Как советский полковник изменил курс «холодной войны». Кн. 1. – М.: Международные отношения, 1993. – 288 с.